

< Рис. 2. Кунстхаус. Грац. Архитекторы Питер Кук и Колин Фурнье, 2003. Не самый «чистый», но один из самых показательных в своем отношении к детализированной исторической среде «блб»

Настоящий текст – отклик на статью Е. Ю. Багиной «Кризис детали как деталь кризиса» в текущем номере журнала. Изложено авторское видение значимых вопросов, поставленных в статье. **Ключевые слова:** кризис; деталь в архитектуре; арка; ар-деко; модернизм; постмодернизм. /

The present text is a response to the article “The crisis of a detail as a detail of the crisis” by E. Yu. Bagina included in the current issue of the journal. The author expresses his point of view on the important questions raised in the article.

Keywords: crisis; detail in architecture; arch; art deco; modernism; postmodernism.

Кризис в деталях. О статье Е. Багиной «Кризис детали как деталь кризиса» / Crisis in Detail. On the article “The crisis of a detail as a detail of the crisis” by E. Bagina

текст

Петр Капустин

Воронежский
государственный
технический университет /

text

Petr Kapustin

Voronezh State Technical
University

С общим пессимизмом статьи Елены Багиной «Кризис детали как деталь кризиса» в наше время не согласиться было бы некорректно. Я не стану этого делать, однако при чтении статьи появилось несколько соображений разного рода, которыми хотелось бы поделиться.

Основное соображение можно было бы сформулировать так: фундамент нового мира только сегодня закладывается, пока не до деталей. Но это, как я понимаю, – чистое индальгирование за историей с ее вечно текущим «сегодня». Это уже было, и было много раз. Модернизм точно на таких основаниях игнорировал деталь. То есть то, что «у нас все только строится» – не аргумент; уже лет 100 (если не 200) «все только строится». Да и Юрген Хабермас, упоминаемый Е. Багиной, кажется, имел в виду тоже нечто подобное (т. е. индальгировал уже на втором заходе).

Использование/неиспользование символических деталей, как мне представляется, проблема не деталей. Это проблема символического, проблема существования символа в секуляризованном мире. Модернизм был неспособен работать с символами, они и сегодня прячутся где-то по углам. Символическое, думается, не в деталях (к детали и модернизм худо-бедно пришел – Мис, Райт, совмод). Как говорил Р. Штайнер, в Гетеануме нет символов – он сам есть прямое проявление высших сил (т. е. он сам и есть символ). А когда символы, или метанаррации «умерли» (для тех, для кого они умерли), детализация или декор положения уже не спасут.

И тут проблема масштаба выходит на первый план. Е. Багина ее упомянула, но как-то второпях. Мне же она представляется важнейшей. Не думаю, что это тот

натуральный масштаб, о котором пишет, например, Никос Салингарос. Волевым началом, проектностью, вклинившись в традиционную архитектурную масштабность, резко изменили само понятие. Например, барселонский павильон Миса – он сам есть одна большая деталь (и таких примеров немало). Весь вопрос о контексте: деталь чего? Вероятно, нам еще предстоит осмысление проблематики масштаба в проектировании, понимаемом в его нетождественности традиционному архитектурному масштабу (см. [1; 2]).

В оценках ситуации интербеллума с Е. Багиной я согласен: гедонизм близорук и потому центрируется на детали (см. также [3]). Да и страх заставляет цепляться за фактуру бытия. В ар-деко перед нами предстает «парадоксальная» ситуация: деталей «море», а символов уже нет!

Деталь утрачивает позиции в функционализме и иже с ним: если вы сигнифицируете процессы (а, по сути, всякий раз – какой-то один-единственный «процесс» – жилье, производство и пр.), то уже сам масштаб принятой вами абстракции не позволит что-то детализировать. Детали могут быть лишь сугубо... декоративными – как выражение бессознательных представлений о визуальной норме (вроде манерных засечек на «пилоти» у Луиса Кана в институте Солка (рис. 1). На функционализме архитектуру не построишь.

Вот еще интересная линия размышлений, открываемая статьей Е. Багиной: символическое своим историческим генезисом связано с иерархией, с подчинением, насильем et cetera. Архитектура либеральная, «доступная» (!), «демократическая», всеми силами избегающая таких нетолерантных мотивов – всегда par excellence... «слаба», и, кажется, это неустранимо. Деталей в ней обычно тоже немного – ведь деталь не невинна, она своенравна: вдруг еще что-то лишнее «скажет» ненароком... И это – еще один повод нелюбви к деталям в «актуальной архитектуре», повод, напрямую выводящий на часто латентные, но всегда имеющие место социально-политические подосновы архитектурных форм.

В так называемых бляхах вообще практически нет деталей (рис. 2). Блб – «тело без органов» Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Это гендерная идеология – лишить призна-

> Рис. 1. Институт биологических исследований Солка. Сан-Диего, США. Архитектор Луис Кан, 1959. Декорирование опор как циновок – сентиментальная антитеза индустриализму

ков, теперь уже и функционалистских. В таких условиях возврат к детали крайне маловероятен, а ее подлинность становится недостижимой.

Но, к счастью, есть и иная архитектура.

Стоит высоко оценить идею Е. Багиной о постмодернизме как кризисном явлении. А на вопрос, закончился ли он, приходится отвечать – «нет». Ни модернизм, ни его пост-состояния, оппозиции и альтернативы – ничего пока не закончилось, все сосуществует синхронно в силу отсутствия действительно масштабных исторических идей.

Но и модернизм (архитектурный, всего лишь архитектурный) поначалу был чему-то пост-, видел себя на том берегу разверзшейся пропасти истории, на правильной стороне кризиса, пока не стало видно целое (а как увидеть целое модернизма в 1919 году, когда на обложку манифеста Баухауза берется «Собор социализма» Л. Фейнингера – экспрессионистическая фантазия!) Детали, фактура, частности в таких вопросах коварны: поначалу они кажутся несущественными, преходящими, а позже приобретают вес документа, и документа разоблачительного. Парадокс: с приходом целостного видения слабеют масштабы притязаний, инициативы становятся локальными, а детали начинают играть и переливаться всеми огнями и смыслами.

Вообще интерес к деталям возможен, кажется, при нескольких «предварительных» условиях. Нужны стабильность, достаток, спокойствие и даже некоторое безделье, элегия (когда ростбиф лениво кovyряют вилкой в ресторане или своем особняке, а не шницель заглаживают влопыхах в заводской столовой). Требуется некоторое «пиршество духа», метапозиция и созерцательная, отстраненная заинтересованность в происходящем. Тогда видны детали, тогда они обретают значение, пусть даже это значение восполнения надвигающейся пустоты, как в архитектуре эклектики, или заполнения пустоты окружающей (так В. Л. Глазьев рисовал свои знаменитые «конферюшки», скупая на «научных» конференциях). Для интереса требуется некое межеемочное состояние, переходное, промежуточное, чреватое кризисом, но еще не разразившееся им. О. И. Генисаретский говорил, что слово интерес – это «интер-эссе», междуствие. Вот тут, в частности, весь ар-деко. Нужен, наконец, самый вкус к уникальному (ведь уникальное таится в мелочах), его достаточно длительное и артикулированное воспитание.

Особенное спасибо Е. Багиной за неоднократное упоминание темы/проблемы арки. На мой взгляд, арка есть самая «кризисная» архитектурная форма, к ней сходятся силовые линии и энергии многих властных начал в архитектуре.

Интересно пишет Е. Багина о голландских неопластицистах, в том числе о теософии у П. Мондриана. Деталь там надежно исчезает – и в живописи, и в архитектуре, и даже в дизайне (рис. 3). Абстракция голландцев, как другие линии геометрического абстракционизма начала XX в., из которых проросло модернистское проектирование, была насквозь эзотерической. Путь эзотерики (и А. Г. Раппапорт это лишний раз подтвердил) – в расфокусировке зрения, взгляда, когда детали сливаются с фоном или гипертрофируются до размера некоего квази-целого (что, по сути, одно). Это тоже открытая линия размышлений, разумеется, к ней стоит специально вернуться.

«Метрополис» Ф. Ланга – великолепный фильм 1927 года – времени, балансирующего между крайностями. Интересно, когда рядом с ним появляется поселок Вайсенхоф – его одногодок, но, кажется, принадлежащий другому миру. Ан нет! Модернизм (даже и такой, что в «Метрополисе») смотрится как попытка... очнуться

ото сна, что ли. А ар-деко – как попытка убежать от морока реальности (или уж утонуть в нем окончательно). Метрополис (от своих пышных фактур до голых абстракций) хорош тем, что становится ясно: и то, и другое – иллюзии; граница между ними диффузная.

Е. Багина вспоминает и о недооцененной до сих пор, как кажется, теме загадочной модернистской шизофрении, то есть традиционалистского (если не сказать «архаического») бытования модернистов-новаторов: на работе они революционеры, а дома консерваторы. Недавно мне довелось привести и прокомментировать цитату на эту тему из книги М. Рагона о домашнем камине [4], а на днях натолкнулся фразу М. Б. Атаянца: «Я хотел бы напомнить хулиганский эксперимент люксембургского архитектора Леона Крие. В конце 1970-х – начале 1980-х годов в качестве аргумента в очень жесткой полемике с английской модернистской школой он взял и опубликовал домашние адреса всех приверженцев новой парадигмы. Ни один из них не жил в доме, построенном позже 1870 года!» [5]. Детали, покидая города и среды вместе с коллекциями антиквариата и «старомодным» представлением об уюте, перемещаются в архитектурские «башни из слоеной кости» и прочие элитарные заповедники. Придет ли пора обратного движения?

В целом статья Е. Багиной очень интересная и важная, в ней множество ветвящихся троп и ниточек дальнейшего разматывания клубка нашей профессиональной проблематики, за что автору огромное спасибо!

Литература

1. Капустин, П. В. Масштаб и проектирование: от мерности к смыслу // Архитектурные исследования : научный журнал. – Воронеж : Воронежский ГАСУ. – 2016. – № 3 (7). – С. 33–41. – URL: <http://edu.vgasu.vrn.ru/SiteDirectory/vestnik/ai/DocLib1/AI%20№3-7.pdf>
2. Капустин, П. В. Масштаб и проектирование: от зримости к оценке // Архитектурные исследования : научный журнал. – Воронеж : ВГТУ. – 2016. – № 4 (8). – С. 4–14. – URL: <http://edu.vgasu.vrn.ru/SiteDirectory/vestnik/ai/DocLib1/AI%20№4-8.pdf>
3. Багина, Е. Ар-деко: западный гедонизм и советская романтика // Проект Байкал. – 2019. – № 62. – С. 120–125
4. Капустин, П. В. Недвижимость и движение в архитектуре // Проект Байкал. – 2022. – № 1 (71). – С. 32–39
5. Классика в архитектуре: быть или не быть? Дискуссия. – URL: <http://berlogos.com/interview/klassika-v-arkhitekture-byt-ili-ne-byt/> (дата обращения: 08.01.2023)

References

- Bagina, E. (2019). Art Deco: The Western Hedonism and the Soviet Romance. *Project Baikal*, 16(62), 120-125. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.62.1559>
- Kapustin, P. V. (2016a). *Masshtab i proektirovanie: ot mernosti k smyslu* [Scale and design: From dimensionality to meaning]. *Architectural Research*, 3(7), 33-41. Voronezh: Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Retrieved from <http://edu.vgasu.vrn.ru/SiteDirectory/vestnik/ai/DocLib1/AI%20#3-7.pdf>
- Kapustin, P. V. (2016b). *Masshtab i proektirovanie: ot zrimosti k otsenke* [Scale and design: From visibility to evaluation]. *Architectural Research*, 4(8), 4-14. Voronezh: VGTU. Retrieved from <http://edu.vgasu.vrn.ru/SiteDirectory/vestnik/ai/DocLib1/AI%20#4-8.pdf>
- Kapustin, P. (2022). *Immobility and mobility in architecture*. *Project Baikal*, 19(71), 32-39.
- Klassika v arkhitekture: byt ili ne byt?* [Classics in architecture: To be or not to be?] (2012, July 20). BERLOGOS. Retrieved January 8, 2023, from <http://berlogos.com/interview/klassika-v-arkhitekture-byt-ili-ne-byt/>

< Рис. 3. Кризис детали в проектировании, восходящем к абстракции. Слева – Г. Ритвельд. Красно-синее кресло. Фрагмент. 1923. Справа – Т. ван Дусбург. Синхронная встречная композиция. 1929